Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/XYGKRH
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«КРОТКИЙ РУССКИЙ ГЕНИЙ»: РЕЦЕПЦИЯ ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ДНЕВНИКАХ Г.И. АЛЕКСЕЕВА

© 2025 г. Г.Н. Боева
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 05 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 12 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-174-187

Аннотация: На материале дневниковой прозы ленинградского поэта, прозаика и художника Г.И. Алексеева (1932–1987) прослеживается восприятие им личности и творчества Андрея Платонова, с прозой которого автор дневника мог познакомиться в конце 1950-х или в начале 1960-х гг. Упоминания о Платонове встречаются в дневнике с 1963 г., они касаются или литературной судьбы и репутации писателя, или его мироощущения, явленного в стиле. В предпринимаемых Алексеевым классификациях писателей Платонов неизменно фигурирует в числе лучших стилистов-прозаиков XX в. Размышления о писательской судьбе Платонова ленинградского верлибриста, не признаваемого профессиональным сообществом, проецируются на его собственную жизнь в литературе. В дневниковых записях Алексеев фиксирует такие черты платоновской поэтики, как детскость, даже инфантильность, и одновременно мудрость взгляда; «детскую свежесть языка» при том, что «слова все старые»; обращенность к главным вопросам бытия (добро и зло, жизнь и смерть); особый интерес к проблеме смертности человека и ее преодолению. «Сокровенность», умение прозревать бытийное сквозь быт, «недоумение перед бытием», настойчивое задавание вопросов — все это делает Алексеева одним из последователей Платонова, не на уровне стилевого подражания, а на уровне общности эстетико-мировоззренческой платформы. Платонов стал ориентиром для многих писателей, преодолевавших соцреализм, и Алексеев — в их числе.
Ключевые слова: Андрей Платонов, Г.И. Алексеев, дневники, проза, рецепция, «оттепель», поэтика, проза, стиль.
Информация об авторе: Галина Николаевна Боева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Институт бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Б. Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. https://orcid.org/0000-0002-6021-3687
E-mail: g_boeva@rambler.ru
Для цитирования: *Боева Г.Н.* «Кроткий русский гений»: рецепция прозы Андрея Платонова в дневниках Г.И. Алексеева // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 174–187. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-174-187

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

"MEEK RUSSIAN GENIUS": RECEPTION OF ANDREI PLATONOV'S PROSE IN THE DIARIES OF G.I. ALEKSEEV

© 2025. Galina N. Boeva
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, St. Petersburg, Russia
Received: November 05, 2024
Approved after reviewing: December 29, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: On the material of the diary prose of the Leningrad poet, prose writer, and artist G.I. Alekseev (1932–1987), the article traces his perception of the personality and work of Andrei Platonov. The author of the diary could get acquainted with Platonov's prose in the late 50s or early 60s. References to Platonov have been found in the diary since 1963. They relate either to the literary fate and reputation of the writer, or his attitude, manifested in style. Platonov invariably appears among the best stylists-prose writers of the 20th century. Alekseev, a Leningrad free verse writer, not recognized by the professional community, projects his reflections on the literary fate of Platonov onto his own life in literature. In his notes, Alekseev fixes such features of Platonov's poetics as childishness, even infantilism, and at the same time the wisdom of looking; "childish freshness of language" despite the fact that "the words are all old"; addressing the main issues of being (good and evil, life and death); special interest in the problem of human mortality and its overcoming. "Intimacy," the ability to see through everyday life, "bewilderment before being," persistent asking of questions — all this makes Alekseev one of Platonov's followers, not at the level of imitation, but at the level of community of the aesthetic and ideological platform. Platonov became a landmark for many writers who overcame socialist realism, and Alekseev is among them.

Keywords: Andrei Platonov, G.I. Alekseev, diaries, prose, reception, Thaw era, poetics, prose, style.

Information about the author: Galina N. Boeva, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Advertisement and Public Relations, Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Bolshaya Morskaya St., 18, 191186 St. Petersburg, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-6021-3687

E-mail: g_boeva@rambler.ru

For citation: Boeva, G.N. "'Meek Russian Genius': Reception of Andrei Platonov's Prose in the Diaries of G.I. Alekseev." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 174–187. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-174-187 (In Russ.)

Геннадий Иванович Алексеев (1932–1987) — ленинградский поэт, основоположник петербургской школы свободного стиха, верлибрист, прозаик, художник (автор сюрреалистических картин в духе Р. Магритта, Д. де Кирико), кандидат архитектуры. Обширный архив Алексеева хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ), с 2007 г. началось его научное освоение [3]. При жизни его стихи выходили скудно (4 сборника, отдельные публикации в журналах). Однако согласимся с мнением о «реальном присутствии в петербургском поэтическом пространстве “школы Алексеева”» [4, с. 433] и отметим культовый характер его романа «Зеленые берега» (1984)[1]. В издательстве «Геликон Плюс» вышла серия из шести книг сочинений Алексеева, где частично опубликована его дневниковая проза, которая и станет объектом нашего интереса в аспекте рецепции творчества Андрея Платонова.

Сам автор считал свои дневники литературным произведением [2, с. 7] и тщательно готовил их к публикации, перепечатывая рукописный текст на машинке. Для него, доцента, преподающего архитектуру, далекого от литературных профессиональных сообществ, литератора-одиночки, это была, как он сам писал, «возможность высказаться и очертить границы своего поэтического государства» (запись от 30 декабря 1980 г. [7, с. 155]). Как «прекрасную прозу с чрезвычайно точными и тонкими суждениями о литературе и нравах» [3, с. 10] характеризовал алексеевские дневники А. Житинский.

1 Краевед Н. Горбунов на основе сетевого проекта (на платформе ВКонтакте) «Педаль сцепления с реальностью: Путешествия, вдохновленные литературой», в духе современного направления “place-based storytelling”, создал блог, посвященный подробному воссозданию «топографического подстрочника» к «Зеленым берегам», и по маршрутам героев романа в Петербурге водят экскурсии.

Первые дневниковые записи Алексеева, по его собственному свидетельству, относятся к 1952 г., однако они не сохранились. Самые ранние из сохранившихся записей датированы декабрем 1958 г. Первые упоминания о Платонове в них относятся к 1960-м, а затем уже к 1980-м гг.

Дневники Алексеева подтверждают представление о характерном для «оттепельного» времени мощном интересе интеллигентного советского человека к вновь открываемой культуре — как западной, так и отечественной, «возвращенной». Но Алексеев совершенно особый случай: не имея специального филологического образования и не работая в литературной сфере, он тем не менее далеко не рядовой, а профессиональный читатель. Обширность его читательского тезауруса поражает, включая западную, восточную и отечественную мировую классику (в переводах), а также литературные новинки и критику, причем речь идет о внимательном чтении, постоянном перечитывании и самостоятельной интерпретации прочитанного — преимущественно вне «школьного канона». Ценность этого своеобразного «читательского дневника» еще и в том, что все наблюдения и заключения проецируются на собственное эстетическое самоопределение, периодизацию которого («этапы» «жизни в литературе») в начале 1980-х гг. автор представляет себе так:

> 1) Предчувствие творчества (до 1952 года).
> 2) Начало творчества (1952–1960 годы).
> 3) Поиски своего пути (1961–1962 годы).
> 4) Обретение своего пути и создание «эталонов» (1963–1972) [5, с. 197].

Андрей Платонов, судя по частотности упоминания его имени, был одним из таких «эталонов». Упоминания о Платонове встречаются с 1963 г., т. е. в период, когда автор дневника уже вполне сложился в творческом отношении. Скорее всего, Алексеев открыл для себя Платонова в одном из первых посмертных сборников его прозы, в 1958 или 1962 г., поскольку в записи от 5 апреля 1963 г. он цитирует опубликованный в них рассказ «Родина электричества» и рассказ «Такыр», уже не включенный в сборник 1963 г. В целом упоминания Алексеева о Платонове касаются или его литератур-

ной судьбы и репутации, или мироощущения, явленного в стиле, как, например, хронологически первая запись:

> Платонов смотрит на мир глазами умного ребенка, который все замечает, но никак не может понять, почему мир так жесток и неуютен. В его трагизме есть нечто инфантильное, он из тех детей, которые рисовали смешных зайцев и котят на стенах освенцимских бараков. Отсюда этот потрясающий по своему эффекту синтез пафоса и юмора: «Он говорил с просветленным лицом среди тишины ослепительно страшной природы… И горе в них прекратилось от потери сознания» [6, с. 51].

Эта запись построена как законченный мини-текст, организованный на основе репризы — излюбленной фигуры в стихах, прозе и дневниках Алексеева. Первая часть этой записи: пейзажная зарисовка Петербурга по пути домой из Дома писателей — ассоциативно связана с платоновским творчеством в контексте раздумий о поисках своего стиля и своего пути в литературе.

«Как писать» — постоянный предмет рефлексии на страницах дневника Алексеева. Он фиксирует свои наблюдения над стилем не только Платонова, но и почти всех мастеров стиха и прозы XX в. (Пастернака, Хлебникова, Цветаевой, Бунина, Л. Андреева и многих других — и классиков, и современников, в том числе зарубежных), проводит постоянные параллели, выстраивает иерархии и ранжировки писателей. Архитектор по профессии, он крайне внимателен к формообразованию, в том числе в искусстве слова. Можно сказать, что *поиски стиля* — лейтмотив записей Алексеева.

Примечательна запись, в которой автор дневников выделяет две системы творчества, характеризуя одну как сочетание «словесной изощренности» и «смысловой скромности» (например, Б. Пастернак), а вторую — как сочетание «словесной простоты» и «смысловой сложности» (запись 1983 г. [7, с. 210]). Примера последней системы он не приводит, и логику его мысли приходится реконструировать с помощью других рассуждений о стиле. Так, в одной из записей 1986 г. читаем о двух ветвях русской прозы: первая, пушкинская, лироэпическая, — к ней относятся Тургенев, Гончаров, Толстой, Чехов, Бунин. Но лично Алексееву интереснее вторая, гоголевская, вставшая у истоков «философско-экспрессионистической прозы»: «За ним идут

Достоевский, Лесков, Леонид Андреев, Андрей Белый и далее — Зощенко, Булгаков, Платонов, Бабель, Артем Веселый» [7, с. 386].

Не признавая актуальность для своего стилевого самоопределения Пушкина («другая эпоха») и идущей от него линии, Алексеев собственный стиль строит на пересечении двух систем: пишет, что учиться «искусству прозы» можно у Тынянова [7, с. 169], далее характеризуя ее, скорее, как «пушкинскую»: «краткость, отточенность, экспрессия», «безукоризненный и подлинно нынешний стиль» [7, с. 168][2]. В то же время ему очень нравится Леонид Андреев, зачисляемый в «гоголевскую ветвь». А в позднейшей дневниковой записи находим: «Лучшие стилисты в русской прозе XX столетия — Бунин, Андрей Белый, Тынянов, Бабель и Платонов» [7, с. 395]. Как видим, здесь Алексеев свободно мешает представителей обеих стилистических линий.

Итак, гоголевский стиль, ведущий к Платонову, в алексеевской классификации «словесно изощренный», одновременно и вызывает у него восхищение, и признается лично для него невозможным. Дело в том, что для Алексеева неприемлемо подражание: «...стоящий поэт не сможет пользоваться чужим известным способом, он должен иметь свой собственный, он должен его создать, изобрести» [7, с. 183]. Очевидно, что автор дневника, если учесть его собственное творчество в стихах и прозе, тяготеет к стилистически «простой» системе, к «динамике, упругости и немногословию» [7, с. 19]. В одной из поздних записей он открыто заявляет о том, что предпочитает «изощренность простоты» «изощренности сложности», хотя иногда тянет и к ней [7, с. 177][3]. Платонов же, согласно упомянутым классификациям, находится в зоне словесной «сложности». Однако приведенная выше цитата высвечивает неоднозначность рецепции Алексеевым прозы Платонова и позволяет усомниться в возможности описать стиль последнего в категориях «простое» / «сложное». Другие ремарки Алексеева по поводу Платонова свидетельствуют о том, что «детскость», «инфантильность» взгляда Платонова и его героя вовсе не свидетельствуют о простоте смысловой.

2 Ср.: в другом месте пишет о том, что проза вообще удручает его своим многословием и надо отжимать от нее воду — получатся стихи [7, с. 18]. Эта мысль — своего рода декларация предпринимаемого им родового сближения стиха и прозы.

3 Ср.: о зависти к тем прозаикам, которые «плетут тончайшие кружева из слов», а у него самого «выходит как-то просто, кратко и оголенно»: «Быть может, это и есть мой прозаический стиль?» [7, с. 31].

В позднейшей дневниковой записи от 27 апреля 1980 г. Алексеев предлагает иную классификацию, в которой противоречия вроде бы снимаются — и Платонов превращается в «концептуалиста»:

> Всю прозу можно разделить на две категории: на прозу изобразительную и прозу концептуальную.
>
> К первой категории следует отнести Вальтера Скотта, Бальзака, Стендаля, Флобера, Диккенса, Тургенева, Толстого, Чехова, Бунина, Золя, Мопассана, Голсуорси, Хемингуэя, Ремарка. Ко второй — Рабле, Сервантеса, Свифта, Вольтера, Эдгара По, Гюго, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Леонида Андреева, Платонова, Булгакова, Набокова, Андрея Белого, Джойса, Пруста, Кафку, Камо. Почти вся серьезная проза XX столетия концептуальна [7, с. 55].

Загадка «сложной простоты» Платонова не оставляет Алексеева. В одной из дневниковых записей (от 31 января 1964 г.) эту «простоту» он объясняет происхождением писателя:

> Мужицкая, пряничино-навозная литература 20-х годов была своеобразной реакцией на утонченную дворянскую литературу XIX века. Рухнула запруда, хлынул мутный, мощный поток. Есенин, Артем Веселый, Павел Васильев. Всё брали нутром, талантом от земли. Традиции их не тяготили, потому что они не знали их. Но они создали свои традиции. Теперь трудятся их эпигоны [6, с. 75][4].

Очевидно, что, хотя в перечислительном ряду нет имени Платонова, он, сын железнодорожного рабочего, здесь подразумевается.

«Литературную родословную» Платонова Алексеев отчасти усматривает в архаическом языке позапрошлого столетия. Так, 9 мая 1980 г. он пишет:

4 См. также запись от 1982 г.: «В 20-х было кое-что — Зощенко, Бабель, Замятин, Пильняк. Булгаков, Тынянов, Платонов, Веселый. И до середины 30-х еще кое-что оставалось» [7, с. 168].

> Не торопясь, но с аппетитом читаю Радищева.
>
> Стиль Радищева, несмотря на тяжеловесность и архаизм, по-своему красив и не лишен экспрессии.
>
> Похоже на Платонова. То есть Платонов похож на Радищева. Но чтил ли Андрей Платонович своего предшественника? [7, с. 62].

Архаичный, «неудобный», с инверсивным синтаксисом и неактуальной лексикой стиль Радищева сближается со стилем Платонова, вероятно, потому, что он тоже нарушает привычные лексические и синтаксические связи, заставляет читать себя медленно.

8 сентября 1964 г. Алексеев записывает:

> С величайшим наслаждением перечитал «Родину электрификации». У Платонова детская свежесть языка, как чудо. А слова все старые [6, с. 110].

Иными словами, платоновская проза — это «старые слова» в «новом порядке», т. е. тот самый сдвиг, о котором пишут формалисты.

Свой взгляд у Алексеева и на эволюцию Платонова. В начале этого же, 1964 г., 31 января, он вступает на страницах дневника в заочную полемику с А. Гладковым, автором статьи о писателе в «Новом мире» [1]:

> Неверно, что позднее у Платонова — самое лучшее. Постоянная травля сделала свое дело. Чтобы хоть немного печататься, он портил свой стиль, сглаживал его.
>
> Его обвиняли в «оглуплении», «искажении жизни», «злорадном глумлении», «бессмысленном кривлянии», «злопыхательстве», «злонамеренном юродстве». Дивно.
>
> И все же это, наверное, лучше, чем быть вообще вне литературы [6, с. 75].

Гладков пишет о позитивности изменений языка Платонова, который, с его точки зрения, «одолел» «моду на сказ» в духе Зощенко и «вырабатывал свою новую манеру, беспримесно чистую, лишенную подражательности, выразительную без всякой внешней броскости» [7, с. 229]. Алексеев же видит в эволюции Платонова ущерб, надломленность, попытку «опрощения» в угоду соцреалистическому тренду.

В процитированной выше записи последняя строка — о себе, о своем «изгойничестве» в мире литературы. Размышления о литературном успехе — применительно к своим предшественникам, современникам, себе самому — тоже постоянный рефрен дневника Алексеева. Так, запись, датированная 14 августа 1963 г., — своеобразный перечислительный некролог писателям, не оцененным современниками: репрессированным, покончившим с собой, отлученным от читателя, забытым, умершим на чужбине:

> Александр Грин и Андрей Платонов влачили полуголодное существование и умерли всеми забытые [6, с. 65].

Пример Платонова, несомненно, подтверждал Алексееву правильность его пути одиночки-новатора: почти все непризнанные, гонимые и отверженные властью и временем авторы на его глазах в эпоху оттепели обретали посмертную славу.

Как отвечает Алексеев на вопрос о причине возвращения этих имен к читателю, этого «отложенного», но неотвратимого реванша? Его размышления на страницах дневника позволяют реконструировать и этот ответ: «секрет» посмертного триумфа героев этого «некролога» заключается в том, что они писали о главном.

Прекрасно разбиравшийся в западноевропейском искусстве, Алексеев относит Платонова к представителям «философско-экспрессионистической прозы», тем самым усматривая в нем экзистенциалиста по взглядам и акцентируя парадоксальную экспрессионистскую стилевую доминанту в его внешне безэмоциональном, нарочито простом языке.

Экзистенциальные мотивы, многократно отмеченные в мировоззрении Платонова, явственно звучат и в собственном «кредо» Алексеева, которое он формулирует в записи от 8 августа 1966 г.:

> Мой пессимизм.
>
> Есть ли хоть крупицы утверждения в моем кредо?
>
> Полно!
>
> Утверждаю человеческое в человеке. Утверждаю совесть, добро, красоту и бессмертие через добро и красоту.
>
> Боюсь конца света?

Да, боюсь. Но его должно бояться. Бесстрашие здесь подобно самоубийству. Надо, чтобы была тревога, надо, чтобы кто-то не спал ночью.

Блок был тысячу раз прав: не пессимизм, а трагическое восприятие действительности. Страдать страданиями мира, болеть его болезнями — это ли не высокое призвание?

Пока живу, вопреки разуму верю в торжество добра и стараюсь делать добро, как умею [6, с. 224].

Вспоминает Алексеев Платонова и в контексте размышлений о главных вопросах бытия, которые призван решать настоящий художник. Об этом читаем в записи от 4 января 1964 г.:

«Добро и зло» в мировой литературе.

Фольклор. Античность. Шекспир. Гюго. Диккенс. Достоевский. Ницше. Андрей Платонов. Солженицын.

Служить добру или стать над добром и злом?

Христианство и проблема добра и зла.

Апокалипсис — торжество зла, но после вечное царство добра. Добро как символ жизни и зло — как смерть.

Добро — условие существования человечества.

Абсолютность добра и зла. Где критерий абсолютности?

Вечное коромысло [6, с. 71–72].

Обращенность Платонова к проблеме смерти и смертности человека — еще одна смысловая доминанта в его рецепции Алексеевым. Так, 23 июня 1965 г. он размышляет:

Смерть Андрея Болконского в «Войне и мире» — классический этюд на тему бренности бытия. Глубоко мыслящая и тонко чувствующая личность, сознающая свою смертность и жаждущая жить, перестает существовать, исчезает, куда-то уходит, растворяется в пространстве, во времени, в материи. Толстой примиряет читателя с «бренностью». Смерть у него мудрая, светлая и непобедимая.

Тургенева смерть печалит, но не пугает. Она у него сладостная, томительная.

Леонида Андреева смерть ужасает, мучает своей непостижимой жестокостью и нелепостью. Он мечется в поисках спасения, в поисках лазейки. Разумеется, не находит и приходит в отчаянье.

Бунин понимает, что борьба бесполезна и выхода нет, но не может сдержаться, не может не выразить свое отвращение и удивление смертью.

У Андрея Платонова смерть простая, крестьянская, суровая. О ней не говорят, но все знают, что она есть, что она обязательно навестит каждого, и тут уж ничего не поделаешь.

У Хемингуэя такая же смерть [6, с. 152].

В 1966 г., 18 января, Алексеев фиксирует в дневнике:

Новый сборник Андрея Платонова[5]. Вслед за титульным листом — большая фотография автора.

Некрасивое, простецкое русское лицо — этакий работяга, слесарь или водопроводчик, — и видно, что жизнь работягу не баловала. Но в глазах такое всепонимание, такая спокойная, умная уверенность в своей правоте, что хоть пиши с него образ.

Когда-нибудь поставят памятник великомученикам литературы российской. И будут на камне все святые имена.

«Время кругом него стояло, как светопреставление, где шевелилась людская живность и грузно ползли объемистые виды природы. А надо всем лежал чад смутного отчаянья и терпеливой грусти».

«Коммунизм — не власть, а святая обязанность». «Века мы мучаем друг друга — значит, надо разойтись и кончить историю» [6, с. 181–182].

В этой записи цитируется «Сокровенный человек», и сама эта формула как нельзя лучше соответствует духу творчества Г. Алексеева, который нашел в лице своего великого предшественника учителя и единомышленника.

Спустя почти полтора десятилетия автор дневника ожидает выхода своей второй книги, хотя ему уже под пятьдесят. По-прежнему остро переживая свою «непубликабельность», Алексеев в контексте размышлений

5 Видимо, имеется в виду издание: [8].

о своей жизни и писательской судьбе, в которой вряд ли что-то изменит выход книги, вспоминает о Платонове и с наслаждением цитирует «Родину электричества».

> У Платонова все держится на языке, на стиле. Сюжеты его рассказов и повестей незамысловаты, а герои его в большинстве первозданно просты и невзыскательны, как растения. Но какое густое письмо! Какая речь! Какой изумительный синтез наивности, иронии и некоей восточной пышности!
>
> «Солнце зашло в раскаленном свирепом пространстве, а внизу на земле осталась тьма и озабоченные люди с трудным чувством в сердце, поникшие в своих избах без всякой защиты от беды и смерти».
>
> «Я шел один в темном поле, молодой, бедный и спокойный» (запись от 23 февраля 1980 г.) [7, с. 29].

Кстати, в конце этой записи Алексеев задается вопросом:

> Стихи Платонова до сих пор не переизданы. Интересно, похожи ли они на его прозу? (запись от 23 февраля 1980 г.) [7, с. 29].

Мастер верлибра, Алексеев прекрасно знал, чего стоят сочетания лучших слов в лучшем порядке. Прозу Платонова он уподобляет стихам, в которых нельзя переставить ни одного слова.

Последняя запись о Платонове сделана за два года до смерти автора дневника, в 1985 г., видимо, во время перечитывания «Сокровенного человека», цитируемого здесь же в виде стихотворной строчки:

> И опять Платонов — кроткий русский гений:
>
> «Мир тихо, как синий корабль, отходил от глаз Афонина...» [7, с. 361].

Итак, размышления Алексеева о писательской судьбе Платонова в контексте творчества автора, существующего в годы застоя в условиях полупризнания, проецируются на его собственную жизнь в литературе. «Сокровенность», обращенность к основам человеческого бытия, умение прозревать сквозь повседневности быт и бытийное, «недоумение перед

бытием», настойчивое задавание вопросов — все это делает Алексеева одним из последователей Платонова, не на уровне подражания, а на уровне общности эстетико-мировоззренческой платформы. Платонов стал ориентиром («эталоном») для многих писателей, преодолевавших соцреализм, и Алексеев — в их числе.

Дневники Г. Алексеева — яркое свидетельство о времени и ленинградском литературно-художественном пространстве «оттепели» и «застоя». Феномен его верлибров и прозы — часть позднесоветской эпохи, когда жизнь, освобожденная от идеологии, стала подлежать не объяснению, а описанию, запечатлению «с натуры». Платонов, вдохновляясь утопическими идеями, созвучными социалистической идеологии, изображал человека, оказавшегося лишним в советском проекте. Алексеев, поэт эпохи «выдохшегося социализма», изображает человека вне идей, скомпрометированных временем, а потому созвучен Платонову.

Список литературы

Исследования

1 *Гладков А.* В прекрасном и яростном мире (о рассказах Андрея Платонова) // Новый мир. 1964. № 11. С. 227–234.

2 *Ельяшевич А.М.* От составителя / Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2017. С. 7–8.

3 *Житинский А.* Геннадий Иванович Алексеев // Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2014. С. 5–11.

4 *Орлицкий Ю.* Геннадий Алексеев и петербургский верлибр // *Алексеев Г.И.* Неизвестный Алексеев. СПб.: Геликон Плюс, 2015. Т. 2: Неизданные стихотворения и поэмы. С. 421–433.

5 Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома / публ. А.М. Мирзаева, Ю.Б. Орлицкого, М.В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела на 2003–2004 год / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 809–854.

Источники

6 *Алексеев Г.* Дневники: 1958–1971 // Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2014. С. 13–294.

7 *Алексеев Г.* Дневники (1980–1987) // Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2017. С. 9–460.

8 *Платонов А.* Избранное / вступ. ст. Ф. Сучкова; послесл. М. Лобанова. М.: Московский рабочий, 1966. 543 с.

References

1 Gladkov, A. “V prekrasnom i iarostnom mire (o rasskazakh Andreia Platonova)” [“In a Beautiful and Furious World (About the Stories by Andrei Platonov)”]. *Novyi mir*, no. 11, 1964, pp. 227–234. (In Russ.)
2 El’iashevich, A.M. “Ot sostavitelia” [“From the Compiler”]. *Neizvestnyi Alekseev: Neizdannaia proza Gennadiia Alekseeva* [*Unknown Alekseev: Unreleased prose of Gennady Alekseev*]. St. Petersburg, Gelikon Plius Publ., 2017, pp. 7–8. (In Russ.)
3 Zhitinskii, A. “Gennadii Ivanovich Alekseev” [“Gennady Ivanovich Alekseev”]. *Neizvestnyi Alekseev: Neizdannaia proza Gennadiia Alekseeva* [*Unknown Alekseev: Unreleased Prose of Gennady Alekseev*]. St. Petersburg, Gelikon Plius Publ., 2014, pp. 5–11. (In Russ.)
4 Orlitskii, Iu. “Gennadii Alekseev i peterburgskii verlibr” [“Gennady Alekseev and St. Petersburg Free Verse”]. *Neizvestnyi Alekseev* [*Unknown Alekseev*], vol. 2: Neizdannye stihotvoreniia i poemy [Unreleased Poems and Poems]. St. Petersburg, Gelikon Plius Publ., 2015, pp. 421–433. (In Russ.)
5 “Stikhi i proza Gennadiia Alekseeva v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma” [“Poems and Prose of Gennady Alekseev in the Manuscript Department of the Pushkin House”], publ. by A.M. Mirzaev, Iu.B. Orlitskii, and M.V. Rodiukova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela na 2003–2004 god* [*Yearbook of the Manuscript Department for 2003–2004*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, pp. 809–854. (In Russ.)